

Глава клана и госпожа Юху не ожидали, что служанка, которую они так хорошо знали, решится на столь дерзкий поступок, поэтому, когда они попытались вмешаться, было уже поздно.

Ляньсян тем временем продолжала кричать:

— Госпожа, госпожа, не бойтесь! Разве вы из тех, кто станет паниковать из-за таких пустяков? Дерзкий вор, как ты посмел похитить мою госпожу? Когда я тебя схвачу, живьем сдеру с тебя кожу!

После недолгих раздумий глава клана и его супруга решили, что в словах служанки есть доля правды. А когда Ляньсян, вложив все силы, с размаху ударилась о дверь, но та даже не шелохнулась, лица супругов разом помрачнели.

Всем было известно, что Юху Хуаи беременна, а значит, не могла использовать заклинания. Но дверь явно была заперта изнутри магией.

Юху Хуаи, и без того пребывавшая в крайнем беспокойстве, услышала шум снаружи. Её голос сорвался на визг:

— Ляньсян, маленькая дрянь, немедленно убирайся! Ты что, оглохла? Хочешь своей смерти?

Такое странное поведение лишь усилило подозрения главы клана и его жены. Увидев, что после нескольких яростных ударов Ляньсян так и не смогла открыть дверь, глава клана Юху решительно взмахнул рукой, словно слегка подталкивая воздух перед собой.

Плотно запертые створки мгновенно распахнулись. В тот же миг Юху Хуаи, лежавшая на кровати, выплюнула полный рот крови — её заклинание было грубо взломано.

Грудь Юху Хуаи пронзила острая боль, но, увидев в открытых дверях толпу, которая могла во всех непристойных подробностях лицезреть развернувшуюся здесь сцену, она не стала подавлять хаотичные потоки энергии внутри себя, а лишь бессильно и крепко зажмурилась. Она понимала: всё кончено.

За порогом, кроме Ляньсян, чьего лица было не разглядеть, все остальные — включая главу клана с супругой и слуг, сбежавшихся на шум, — отчетливо видели этот позор. Лица присутствующих побелели от ужаса. Глава клана Юху был в ярости, его супруга — в шоке и крайнем недоумении, а слуги дрожали от страха. Некоторые из них, особо трусливые, начали мелко трястись, заражая своим состоянием окружающих. Они понимали: если хозяева решат замести следы, таких мелких сошек, как они, просто уничтожат. Самые пронырливые, почуяв неладное, поспешили скрыться.

Остальных же заперли в пределах двора. Глава клана Юху взмахом руки захлопнул ворота, а чтобы никто не сбежал, наложил над двором Сеть Неба и Земли. Затем он приказал старейшинам и верным людям отправиться на поиски сбежавших малых демонов.

Когда всё было устроено, они оказались в подземном Зале правосудия. Глава клана не желал, чтобы его дочь страдала, поэтому не заставил её встать на колени, а велел принести мягкий стул. Несмотря на выкидыш и тяжелые внутренние повреждения, Юху Хуаи была вынуждена присутствовать на допросе из-за серьезности дела.

В отличие от неё, шестерых охранников, которых вытащили из её комнаты, безжалостно пытали. Зал наполнился леденящими душу криками. Поскольку дело получило широкую огласку, глава клана не мог просто замять его — ему пришлось пригласить важных старейшин. Даже Юху Цинчжоу, который до этого не появлялся, был вызван сюда.

— Вы, наглецы, будете говорить правду или нет? Хватит молоть чепуху! — глава клана с силой ударил по подлокотнику кресла. Его лицо посинело от гнева.

После жестоких пыток охранники были залиты кровью, но, как бы их ни допрашивали, они стояли на своем, обвиняя Юху Хуаи.

— Глава клана, это правда госпожа прислала нам весточку и пригласила прийти! Иначе у нас бы духу не хватило на такое!

Другой охранник, еще сохранивший остатки сознания, отчаянно закивал:

— Это истинная правда! Если не верите, обыщите наши комнаты. Госпожа велела уничтожить записки, но я, опасаясь подвоха, спрятал их.

Юху Хуаи, несмотря на слабость, едва не вскочила:

— Ложь! Сплошная ложь! Бейте их, бейте до смерти!

Но начальник стражи, ответственный за пытки, не обратил на неё внимания. После приказа главы клана он молча стоял, опустив голову. Юху Хуаи, видя, что даже слуги перестали её слушаться, покраснела от ярости.

В этот момент один из старейшин, сидевших до этого молча, наконец заговорил. Старик погладил седую бороду, и из-за глубоких морщин на его лице было не разобрать, открыты ли его глаза:

— Думаю, стоит сделать так, как они говорят.

Он поднял руку, останавливая главу клана, который хотел что-то возразить:

— Мы, старики, уже устали от этого шума. Давайте обыщем их комнаты. Мы сами сможем отличить правду от лжи в этих так называемых письмах.

Глава клана не посмел спорить, особенно когда увидел, что остальные старейшины согласно кивают. Изначально он верил Юху Хуаи, но охранники держались слишком уверенно, совсем

не похоже на лжецов. В душе главы клана зародилась тревога. Он знал упрямый характер дочери: даже если она совершила что-то, она могла до последнего отрицать вину и перекладывать её на других.

Он бросил взгляд на Юху Цинчжоу, надеясь, что тот проберется в комнаты и уничтожит письма, если они существуют. Но Цинчжоу сделал вид, что ничего не заметил, отчего глава клана пришел в еще большее бешенство.

— Что ж, пусть будет так. Отдохните здесь, а я немедленно пошлю людей на обыск.

Старейшины, не глядя на него, с трудом поднялись:

— Не стоит. Мы сами сходим.

Глава клана вздрогнул, но остановить их не посмел. Все присутствующие двинулись за старейшинами к жилью охранников. Хотя старики выглядели немощными, двигались они так быстро, что главе клана и Цинчжоу было трудно за ними поспевать.

В комнатах охранников письма нашлись без труда. Содержание было крайне непристойным. Старейшина лишь мельком взглянул на них, бросил многозначительный взгляд на Юху Хуаи и опустил голову.

Юху Хуаи, уверенная в своей невиновности, поначалу думала, что это лишь оговор. Но когда письма оказались на руках у старейшин, её голос пропал, а сердце забилось так, словно готово было вырваться из груди. Она пристально смотрела на листки. К счастью, у их рода были особые методы проверки подлинности записей.

Старейшина провел рукой по золотистой бумаге и щелкнул по ней пальцем. На глазах у всех из бумаги вытянулась тонкая нить слежения. К ужасу Юху Хуаи, нить устремилась прямоком к ней, обернулась вокруг её рукава и замерла.

Она была потрясена. Все вокруг смотрели на неё с отвращением. Не в силах вынести этого, она начала яростно срывать нить, но та не поддавалась.

— Это не я! Правда не я! — закричала она. — Дедушка-старейшина, проверьте еще раз! Отец, отец, поверь мне, это не я!

Глава клана не хотел верить. Он взял другой лист, сам выпустил нить слежения, и та мгновенно слилась с первой. Это означало, что отправитель один и тот же. Глава клана закрыл глаза:

— Хуаи, ты слишком разочаровала меня.

Старейшина приказал начальнику стражи взять Юху Хуаи под стражу. Начальник, до этого

стоявший в поклоне, схватил её за запястье и нажал на точку, лишая сил. Она обмякла, и если бы не хватка начальника, упала бы на пол.

— Отец, спаси меня! — молила она.

Когда её волокли к выходу, она в отчаянии вцепилась в дверной косяк так, что ногти сорвались и кровь залила порог. Глава клана, видя её страдания, не выдержал. Он, никогда не склонявший голову, рухнул на колени перед старейшинами:

— Умоляю, проявите милосердие! Она еще так молода, пощадите её жизнь!

Старейшина был непреклонен:

— Ты помнишь, что ты глава клана?

— Помню, но... прошу, великий старейшина, проявите снисхождение!

Старейшины покачали головами. Старший из них вздохнул:

— Хорошо. Лишите её магических сил, и забирай её. Но с этого дня имя Юху Хуаи должно быть стерто из памяти. Понял?

— Понял.

— А теперь уходи. Ты, как глава клана, не смог вершить правосудие беспристрастно. С этого дня ты лишаешься своего поста, его займет твой сын Цинчжоу. Есть возражения?

— Возражений нет, — ответил бывший глава.

В ту ночь в поместье Юху не гасли огни. Все пребывали в страхе. Из подземелья доносились крики — это Юху Хуаи лишали сил.

Юху Цинчжоу сидел в темной комнате, потирая нефритовое кольцо на пальце — символ власти главы клана. Из тени появился человек и опустился на одно колено:

— Хозяин, всё исполнено по вашему приказу.

Цинчжоу улыбнулся:

— Хорошо. Пусть люди будут готовы. Скоро у нас будет повод размяться.

Оставшись один, Цинчжоу сначала тихо рассмеялся, а затем его смех перерос в громкий, безудержный хохот, эхом отражавшийся от стен.

— Пришел? — Юань Цзыжу, увидев открывшуюся дверь, улыбнулся и налил в чашку чай «Очищение сердца».

— Да.

Юху Цинчжоу постоял в дверях, глядя на его изящные движения. Усталость последних дней мгновенно отступила. Он подошел, сел напротив и отпил чаю.

— Твой чай — самый лучший. Дела совсем вымотали меня, но сегодня наконец выдалась свободная минутка.

Юань Цзыжу заметил, как изможден был Цинчжоу — впервые он видел его таким.

— Не виделись всего несколько дней, а ты уже так по мне соскучился? Не зря говорят: один день разлуки — как три осени.

Юань Цзыжу легонько толкнул его:

— Перестань.

Он налил себе чаю, но не стал пить, погружившись в мрачные раздумья.

<http://bllate.org/book/22153/2307664>